

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Обломов

Краткое содержание

Часть 1

На Гороховой улице в одном из больших домов живет Илья Ильич Обломов.

«Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности... На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него... Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием... Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною... Но опытный глаз человека с чистым вкусом одним беглым взглядом на все, что тут было, прочел бы желание только кое-как соблюсти *decoium* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них... По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память...

Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки».

Обломов находится в дурном расположении духа, так как получил из деревни письмо от старосты, который жалуется на засуху, неурожай и в связи с этим сокращает объем денег, отсылаемых барину. Обломов тяготеет, что теперь придется думать еще и об этом. Получив несколько лет назад подобное письмо, он начал было придумывать план всевозможных усовершенствований и улучшений в своем поместье. Так это с тех пор и тянется. Обломов думает встать и умыться, но потом решает сделать это попозже. Зовет Захара. Захар — слуга Обломова, крайне консервативен, носит такой же костюм, что носил и в деревне, — серый сюртук. «Дом Обломовых был когда-то богат и знаменит в своей стороне, но потом, бог знает отчего, все беднел, мельчал и, наконец, незаметно потерялся между нестарыми дворянскими домами. Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею, как святынею».

Обломов упрекает Захара за неряшливость и лень, за то, что он не убирает пыли и грязи. Захар возражает, что «чего ее убирать, если она снова наберется» и что клопов и тараканов не он выдумал, они у всех есть. Захар плутоват, присваивает сдачу с покупок, но только медные деньги, так как «потребности свои измерял медью». Он постоянно препирается с барином из-за всякой мелочи, прекрасно зная, что тот не выдержит и махнет на все рукой. «Слуга старого времени удерживал, бывало, барина от расточительности и невоздержания, а Захар сам любил выпить с приятелями на барский счет; прежний слуга был целомудрен, как евнух, а этот все бегал к куме подозрительного свойства. Тот крепче всякого сундука сбережет барские деньги, а Захар норовит усчитать у барина при какой-нибудь издержке гривенник и непременно присвоит себе лежащую на столе медную гривну или пятак». Несмотря на все это, он был глубоко преданный своему барину слуга. «Он бы не задумался сгореть или утонуть за него, не считая этого подвигом, достойным удивления или каких-нибудь наград». Они давно знали друг друга и давно жили вдвоем.

Захар нянчил маленького Обломова на руках, а Обломов помнит его «молодым, проворным, прожорливым и лукавым парнем». «Как Илья Ильич не умел ни встать, ни лечь спать, ни быть причесанным и обутом, ни отобедать без помощи Захара, так Захар не умел представить себе другого барина, кроме Ильи Ильича, другого существования, как одевать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и в то же время внутренне благоговеть перед ним».

К Обломову приходят посетители, рассказывают о своей жизни, о новостях, зовут Обломова на первомайские гулянья в Екатеринбург. Тот отнекивается, ссылаясь то на дождь, то на ветер, то на дела. Первый из посетителей — Волков, «молодой человек лет двадцати пяти, блестящий здоровьем, с смеющимися щеками, губами и глазами». Он рассказывает о визитах, о новом фраке, о том, что влюблен, что ездит в разные дома на «среды», «пятницы» и «четверги», хвастает новыми перчатками и т. д.

Следующим приходит Судьбинский, с которым Обломов служил канцелярским чиновником. Судьбинский сделал карьеру, получает большое жалованье, весь в делах, скоро будет представлен к ордену, собирается жениться на дочери статского советника, в приданое берет 10 тысяч, казенную квартиру в 12 комнат и т. д.

Следующим приходит «худощавый, черненький господин, заросший весь бакенбардами, усами и эспаньолкой. Он был одет с умышленной небрежностью». Фамилия его — Пенкин, он сочинитель. Пенкин интересуется, не читал ли Обломов его статью «о торговле, об эмансипации женщин, о прекрасных апрельских днях, о вновь изобретенном составе против пожаров». Пенкин ратует за «реальное направление в литературе», написал рассказ о том, «как в одном городе городничий бьет мещан по зубам», советует прочесть «великолепную вещь», в которой «слышится то Дант, то Шекспир» и автор которой бесспорно велик — «Любовь взяточника к падшей женщине». Обломов относится к его словам скептически и говорит, что не станет читать. На вопрос Пенкина, что он читает, Обломов отвечает, что «больше все путешествия».

Входит следующий гость — Алексеев, «человек неопределенных лет, с неопределенной физиономией... Его многие называли Иваном Ивановичем, другие — Иваном Васильевичем, третьи — Иваном Михайловичем... Присутствие его ничего не придаст обществу, так же как отсутствие ничего не отнимет от него... Если при таком человеке подадут другие нищему милостыню — и он бросит ему свой грош, а если обругают, или прогонят, или посмеются — так и он обругает и посмеется с другими... В службе у него нет особенного постоянного занятия, потому что никак не могли заметить сослуживцы и начальники, что он делает хуже, что лучше, так, чтоб можно было определить, к чему именно он способен... Встретится ему знакомый на улице. «Куда?» — спросит. «Да вот иду на службу, или в магазин, или проведать кого-нибудь». «Пойдем лучше со мной, — скажет тот, — на почту, или зайдем к портному, или прогуляемся», — и он идет с ним, заходит и к портному, и на почту, и прогуливается в противоположную сторону от той, куда шел».

Всем гостям Обломов пытается пожаловаться на свои «две беды» — на деревенского старосту и на то, что его заставляют под предлогом ремонта съезжать с квартиры. Но никто не хочет слушать, все заняты своими делами.

Приходит следующий посетитель — Тарантьев, «человек ума бойкого и хитрого; никто лучше его не рассудит какого-нибудь общего житейского вопроса или юридического запутанного дела: он сейчас построит теорию действий в том или другом случае и очень тонко подведет доказательства, а в заключение еще почти всегда наругает тому, кто с ним о чем-нибудь посоветуется. Между тем сам, как двадцать пять лет назад определился в какую-то канцелярию писцом, так в этой должности и дожил до седых волос. Ни ему самому и никому другому и в голову не приходило, чтобы он пошел выше. Дело в том, что Тарантьев был мастер только говорить...»

Двое последних гостей ходили к Обломову «пить, есть, курить хорошие сигары». Однако из всех своих знакомых Обломов больше всего ценил Андрея Ивановича

Штольца. Обломов сетует, что Штолец сейчас в отъезде, иначе он бы все его «беды» очень быстро рассудил.

Тарантьев ругает Обломова, что он «дрянь курит», что у него нет к приходу гостей мадеры, что он все лежит. Взяв у Обломова денег якобы для покупки мадеры, тотчас про это забывает. На жалобы Обломова о старосте говорит, что староста мошенник, чтобы Обломов поезжал в деревню и сам навел порядок. На известие о том, что Обломову нужно съезжать с квартиры, предлагает переехать к своей куме, тогда «я каждый день буду к тебе заглядывать». О Штольце Тарантьев отзывается злобно, ругает «немцем проклятым», «шельмой продувной». «Вдруг из отцовских сорока сделал тысяч триста капитала, и в службе за надворного перевалился, и ученый... теперь вон еще путешествует!.. Разве настоящий-то русский человек станет все это делать? Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди!»

Гости уходят, Обломов погружается в задумчивость. Обломов безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге. Раньше он был «еще молод, и если нельзя сказать, чтоб он был жив, то по крайней мере живее, чем теперь; еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя; все готовился к поприщу, к роли — прежде всего, разумеется, в службе, что и было целью его приезда в Петербург. Потом он думал и о роли в обществе; наконец, в отдаленной перспективе, на повороте юности к зрелым летам, воображению его мелькало и улыбалось семейное счастье. Но дни шли за днями... а он ни на шаг не продвинулся ни на каком поприще и все еще стоял у порога своей арены, там же, где был десять лет назад. Но он все собирался и все готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности; но с каждым мелькавшим над головой его годом должен был что-нибудь изменять и отбрасывать в этом узоре. Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и мирного веселья... Будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записывания в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец. Он полагал, что чиновники одного места составляли между собою дружную, тесную семью, неусыпно пекущуюся о взаимном спокойствии и удовольствиях, что посещение присутственного места отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно, и что слякоть, жара или просто нерасположение всегда будут служить достаточными и законными предлогами к нехождению в должность. Но как огорчился он, когда увидел, что надобно быть по крайней мере землетрясению, чтоб не прийти здоровому чиновнику на службу... Все это навело на него страх и скуку великую. «Когда же жить? Когда жить?» — твердил он».

Обломов прослужил кое-как два года, потом отправил депешу вместо Астрахани в Архангельск. Боясь ответственности, Обломов ушел домой и прислал медицинское свидетельство о болезни. Понимая, что рано или поздно придется «выздороветь», подает в отставку.

С женщинами Обломов не общается, так как это влечет за собой хлопоты. Он ограничивается «поклонением издали, на почтительном расстоянии». «Его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем все крепче и постояннее водворялся в своей квартире. Сначала ему тяжело стало пробыть целый день одетым, потом он ленился обедать в гостях, кроме коротко знакомых, больше холостых домов, где можно снять галстук, расстегнуть жилет и где можно даже «повалиться» или соснуть часок. Вскоре и вечера надоели ему: надо надевать фрак, каждый день бриться... Несмотря на все эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штолец часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым, а потом и за границу — и без него Обломов опять ввергался весь по уши в свое одиночество и уединение, из которого его могло вывести только что-нибудь необыкновенное». «Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете. В тесной толпе ему было душно; в лодку он садился с неверною

надеждой добраться благополучно до другого берега, в карете ехал, ожидая, что лошади понесут и разобьют».

Учился Илюша, как и другие, до пятнадцати лет в пансионе. «Он по необходимости сидел в классе прямо, слушал, что говорили учителя, потому что ничего другого делать было нельзя, и с трудом, с потом, со вздохами выучивал задаваемые ему уроки... Серьезное чтение утомляло его». Мыслителей Обломов не воспринимает, только поэтам удалось расшевелить его душу. Книги ему дает Штольц. «Оба волновались, плакали, давали друг другу торжественные обещания идти разумною и светлою дорогою». Но тем не менее во время чтения, «как ни интересно было место, на котором он (Обломов) останавливался, но если на этом месте заставал его час обеда или сна, он клал книгу переплетом вверх и шел обедать или гасил свечу и ложился спать». В результате «голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий, ничем не связанных политико-экономических, математических или других истин, задач, положений и т. п. Это была как будто библиотека, состоящая из одних разрозненных томов по разным частям знаний».

«Случается и то, что он исполняется презрения к людскому пороку, ко лжи, к клевете, к разлитому в мире злу и разгорится желанием указать человеку на его язвы, и вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море, потом вырастают в намерения, зажгут всю кровь в нем... Но, смотришь, промелькнет утро, день уже клонится к вечеру, а с ним клонятся к покою и утомленные силы Обломова».

К Обломову приходит доктор, осматривает и говорит, что от лежания и жирной пищи его года через два-три хватит удар, советует ехать за границу. Обломов в ужасе. Доктор уходит, Обломов остается думать о своих «несчастьях». Засыпает, ему снится сон, в котором перед ним проходят все этапы его жизненного пути.

Вначале Илье Ильичу снится пора, когда ему всего семь лет. Он просыпается в своей постельке. Няня одевает его, ведет к чаю. Весь «штат и свита» дома Обломовых тут же подхватывают его, начинают осыпать ласками и похвалами. После этого начиналось кормление его булочками, сухариками и сливочками. Потом мать, приласкав его еще, «отпускала гулять в сад, по двору, на луг, с строгим подтверждением няньке не оставлять ребенка одного, не допускать к лошадям, к собакам, к козлу, не уходить далеко от дома, а главное, не пускать его в овраг, как самое страшное место в околотке, пользовавшееся дурною репутацией». День в Обломовке проходит бессмысленно, в мелочных заботах и разговорах. «Сам Обломов-старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе... И жена его сильно занята: она часа три толкует с Аверкой, портным, как из мужниной фуфайки перешить Илюше курточку, сама рисует мелом и наблюдает, чтобы Аверка не украл сукна; потом перейдет в девичью, задаст каждой девке, сколько сплести в день кружев; потом позовет с собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую из своей свиты погулять по саду с практической целью: посмотреть, как наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое уж созрело... Но главную заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом». После обеда все спят. Кучер спит на конюшне, садовник — под кустом в саду, кое-кто из свиты — на сеновале и т. д.

Следующая пора, которая снится Обломову, — он немного старше, и няня рассказывает ему сказки. «Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта неискренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессильно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка... Его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы».

Жизнь в Обломовке вялая, крайне консервативная. Илюшу лелеют, «как экзотический цветок в теплице», «Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли,

увядая». Родители «мечтали о шитом мундире для него, воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором; но всего этого хотелось бы им достигнуть как-нибудь подешевле, с разными хитростями обойти тайком разбросанные по пути просвещения и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать через них, то есть, например, учиться слегка, не до изнурения души и тела, не до утраты благословенной, в детстве приобретенной полноты, а так, чтоб только соблюсти предписанную форму и добыть как-нибудь аттестат, в котором бы сказано было, что Илюша прошел все науки и искусства».

Захар будит Обломова. Приехал Штольц.

Часть 2

«Штольц был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская, веру он исповедывал православную; природная речь его была русская».

Его отец, Иван Богданович, — управляющий в селе Верхлеве, двадцать лет живет в России. В селе маленький Штольц рос и воспитывался. С восьми лет сидел с отцом над географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных. Дрался с окрестными мальчишками, часто по полсуток не бывал дома. Мать беспокоилась, а отец лишь приговаривал: «Добрый бурш будет!» Один раз Андрей пропал на неделю, потом его нашли преспокойно спящим в своей постели. Под кроватью — чье-то ружье и фунт пороху и дробы. На вопрос, где взял, ответил: «Так!» Отец спрашивает сына, готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немецкий язык. Узнав, что нет, отец выволок его за шиворот во двор, дал пинка и сказал: «Ступай, откуда пришел. И приходи опять с переводом, вместо одной, двух глав, а матери выучи роль из французской комедии, что она задала: без этого не показывайся!» Андрей вернулся через неделю с переводом и выученной ролью. Мать жалеет Андрея и не разделяет методов отца по практическому воспитанию сына. «Она жила гувернанткой в богатом доме и имела случай быть за границей, проехала всю Германию и смешала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплеывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых, как палка, офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на черную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей... Она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки; заказывала в городе курточки; учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю».

По соседству жили княжеские дети Пьер и Мишель. Первый рассказывал о кавалерии, как трубят зорю и т. п., а второй, Мишель, «только лишь познакомился с Андрюшей, как поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка. Дня через три Андрей, на основании только деревенской свежести и с помощью мускулистых рук, разбил ему нос и по английскому, и по русскому способу, без всякой науки, и приобрел авторитет у обоих князей».

Когда сын возвратился из университета и прожил месяца три дома, отец сказал, что ему больше делать в Верхлеве нечего. Дав сыну сто рублей, отправляет его через Москву в Петербург (мать к тому времени уже умерла). Отец говорит: «Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, — не знаю, что ты избереешь». Андрей отвечает, что хотел бы преуспеть во всем. Отец предлагает дать ему адрес своего богатого знакомого — Рейнгольда, с которым он когда-то вместе пришел из Саксонии и у которого теперь четырехэтажный дом, — на случай, если «не станет умения, не сумеешь сам вдруг отыскать свою дорогу». Андрей отвечает, что пойдет к Рейнгольду, когда у него самого будет четырехэтажный дом. Хочет ехать. Видя сухое, «не-человеческое» прощание отца с сыном, какая-то старуха в толпе заголосила, благословила

Андрея. Он подъехал к ней и заплакал, так как «в ее горячих словах послышался ему будто голос матери».

«Штольц ровесник Обломову, и ему уже за тридцать лет. Он служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги. Он участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу».

Штольц не теряет головы из-за женщин. «Он и среди увлечения чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным. Он не ослеплялся красотой и потому не забывал, не унижал достоинства мужчины, не был рабом, не «лежал у ног» красавиц, хотя не испытывал огненных радостей».

Он говорил, что «нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков, и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них».

Штольц упрекает Обломова за то, что он все лежит, зовет с собой в свет. Обломов возражает: «Свет, общество! Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? Интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами? А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому, танцуя? Ежедневная пустая перетасовка дней! А посмотри, с какою гордостью и неведомым достоинством, отталкивающим взглядом смотрят, кто не так одет, как они, не носит их имени и звания. И воображают, несчастные, что они еще выше толпы: «Мы-де служим, где, кроме нас, никто не служит; мы в первом ряду кресел, мы на бале у князя N, куда только нас пускают»... А сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикие! Разве это живые, настоящие люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослых. Собираются, кормят друг друга, ни радушия, ни доброты, ни взаимного влечения! Собираются на обед, на вечер, как в должность, без веселья, холодно, чтобы похвастать поваром, салоном, и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому... Зачем же они сходятся? Зачем так крепко жмут друг другу руки?... Что это за жизнь? Я не хочу ее». На вопрос Штольца, что он собирается делать, Обломов говорит, что поедет в деревню, только вот еще план переустройства не кончен. Намекает, что не прочь был бы уехать в деревню с женой. «Разве у меня жена сидела бы за вареньями да за грибами? Разве... разбирала бы деревенское полотно? Разве била бы девок по щекам? Ты слышишь: ноты, рояль, книги, изящная мебель?» Обломов рисует своего рода утопию, картину беззаботной жизни, в которой нет места разговорам «о бирже, о сенате, об акциях, о докладе» и проч. Штольц говорит, что это не жизнь, а *обломовщина*. Обломов удивляется: для чего всю жизнь мучиться, для чего копить капиталы? Спрашивает, успокоится ли Штольц, когда удвоит свой капитал. Тот отвечает, что не успокоится даже когда учетверит. Труд, по его убеждению, нужен «для самого труда, больше ни для чего. Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни». Говорит, что Обломов изгнал труд из своей жизни и поэтому стал похож бог знает на кого, что если он будет сидеть с Тарантьевым и Алексеевым, то совсем пропадет.

Штольц обещает познакомить Обломова с Ольгой Ильинской, сводить послушать ее пение. Берет с Обломова обещание, что он поедет за границу. Сам он скоро уезжает в Париж. Обломов клянется, что приедет к Штольцу. Но проходит несколько месяцев, Штольц давно в Париже, а Обломов все не едет. Поначалу он придумывал разные отговорки — например, укус мухи, от которого раздулась губа. Штольц пишет из Парижа

неистовые письма, а Обломов все не едет. Причина тому — Ольга Ильинская, к которой Штольц водил Обломова перед отъездом. Штольц симпатизирует Ольге, часто беседует с ней. «Ни жеманства, ни кокетства, никакой лжи, никакой мишуры, ни умысла! Зато и ценил ее почти один Штольц, зато не одну мазурку просидела она одна, не скрывая скуки... Одни считали ее простой, недалней, неглубокой, потому что не сыпались с языка ее ни мудрые сентенции о жизни, о любви, ни быстрые, неожиданные и смелые реплики, ни вычитанные или подслушанные суждения о музыке или литературе: говорила она мало, и то свое, неважное — и ее обходили умные и бойкие “кавалеры”; небойкие, напротив, считали ее слишком мудреной и немного боялись. Один Штольц без умолку говорил с ней и смешил ее».

Ольга поет арию, Обломову очень нравится ее пение. Штольц знакомит их. Обломов влюбляется. Он нанимает дачу по соседству с Ильинскими, ходит в прекрасно сшитом сюртуке, щегольской шляпе, читает, гуляет с Ольгой. Образ жизни Обломова совершенно меняется.

Ольга с Обломовым чувствует себя свободно. Кроме того, Штольц «завещал» ей Обломова, рассказал об образе жизни Ильи Ильича, просил Ольгу расшевелить его, не давать ему «спать». И Ольга начинает «переделявать» Обломова. Она мечтает о том, как «прикажет ему прочесть книги, которые оставил Штольц», заставит читать его газеты... «И все это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить!.. Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человека к жизни — сколько славы доктору, когда он спасет безнадежного больного! А спасти нравственно погибающий ум, душу? Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше. Она мысленно сделала его своим секретарем, библиотекарем». Обломов признается Ольге в любви, а та «любовалась, гордилась этим поверженным к ногам ее ее же силою человеком». «Она все колола его легкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговор, казнила его апатию глубже, действительнее, нежели Штольц; потом, по мере сближения с ним, от сарказмов над дряблым существованием Обломова она перешла к деспотическому проявлению воли, отважно напомнила ему цель жизни и обязанностей и строго требовала движения, беспрестанно вызывала наружу его ум, то запутывая его в тонкий, жизненный, знакомый ей вопрос, то сама шла к нему с вопросом о чем-нибудь неясном, не доступном ей». Ольга говорит, что «жизнь — обязанность, долг, следовательно, любовь — тоже долг». Она не знает, любит ли Обломова, но так она не любила «ни отца, ни мать, ни няньку».

Однако на следующее после признания утро Обломовым начинают овладевать сомнения. Он размышляет: «Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее развертывает ее, любит, потом положит и забудет. Да, это только приготовление к любви, опыт, а он — субъект, который подвернулся первый, немного сносный, для опыта, по случаю». Обломов опасается, что, если вдруг явится кто-нибудь другой, более достойный, Ольга разлюбит его. Мало того, она будет стыдиться своей прошлой любви к Обломову. Обломов пишет Ольге письмо, в котором говорит, что ее любовь не есть настоящее чувство, что это только ее бессознательная потребность любить, которая «за недостатком настоящей пищи, настоящего огня, горит фальшивым, негреющим светом». Обломов пишет, что они больше не увидятся, просит его простить, сообщает, что уезжает в город. Письмо передают Ольге. Через некоторое время Обломов раскаивается, ему хочется видеть Ольгу, он бежит ее искать, встречается в парке. Обломов просит у нее прощения, Ольга упрекает его в том, что «он выдумал мучения», «готовил их и наслаждался заранее». Но она прощает его. Они мирятся, и Обломов, счастливый, уходит. Дома он находит еще одно письмо от Штольца, который по-прежнему упрекает его в неподвижности и приглашает приехать в Швейцарию, куда Штольц отправляется, или в Италию, куда Штольц поедет затем. Обломов не собирается никуда ехать, так как хочет жениться на Ольге. Однако через некоторое время, «как ни ясен был ум Ольги, как

ни сознательно смотрела она вокруг, у нее стали являться какие-то новые, болезненные симптомы» — беспокойство, беспричинные слезы, нервическое настроение. Обломова это пугает. Размышляя о «странном» поведении Ольги, он подсознательно чувствует опасность, что их отношения зайдут слишком далеко, на «опасный путь». Он боится, что его сочтут «коварным соблазнителем», волокитой и проч. «В этом отношении Илья Ильич был совершенно чист: ни одного пятна, упрека в холодном, бездушном цинизме, без увлечения и борьбы, не лежало на его совести». Обломов с ужасом думает: «не хватало, чтоб еще я... воткнул украденный розан в петлицу и шептал приятелю на ухо о своей победе». Обломов встречается с Ольгой и нерешительно говорит ей о своих опасениях. Ольга отвечает, что никогда бы не стала на порочный путь и несколько раз, к радости Обломова, это повторяет. Обломов говорит, что им не следует слишком часто видаться наедине, что люди — соседи, тетка — могут о них дурно подумать. Ольга с разочарованием соглашается.

Часть 3

К Обломову приходит Тарантьев и требует денег за квартиру, в которой Обломов ни дня не жил, но куда были еще месяца три назад отвезены его вещи. Обломов возражает, проявляя несвойственную ему энергию, так что Тарантьев теряется и обещает лично разобраться с квартирой. Обломов идет к Ольге и сообщает ей о своих намерениях. Предлагает обо всем рассказать тетке. Ольга говорит, что это должен быть «не первый, а последний шаг», что первым шагом Обломов должен разобраться с квартирой, вторым — подписать в Палате доверенность на управление имением, затем — съездить в Обломовку и подготовить все для переезда туда после свадьбы, а потом уж обо всем говорить тетке. Обломов пытается найти деньги, чтобы уплатить неустойку по подписанному им вторых контракту относительно квартиры, но у него это не получается, и он вынужден переехать на эту квартиру. Он оформляет доверенность на управление имением, время идет, с Ольгой они общаются все реже. В дом Ильинских начинают ездить гости, какие-то франты, на чьем фоне Обломов теряется. Ольга вытаскивает его несколько раз в театр, но Обломову не нравится общество, развязное поведение франтов, и он предпочитает оставаться дома. Захар осведомляется, когда будет свадьба Обломова с «барышней Ильинской». Обломов в ужасе от того, что его чувство стало предметом для разговоров в дворницких и лакейских. Обломов пытается «выбить» из головы Захара эту мысль и уверяет, что ни на ком жениться не собирается. Денег у Обломова тоже нет, и он восклицает: «Счастье! Счастье! Как ты хрупко! Как ненадежно! Покрывало, венки, любовь, любовь! А деньги где? А жить чем? И тебя надо купить, любовь, чистое, законное благо!»

На следующий день он получает письмо от Ольги, где она говорит, что ей «скушно не видется подолгу с ним» и что завтра она ждет его в три часа в Летнем саду. Обломов не хочет идти, ленится, но тем не менее все же идет. Ольга радуется ему, говорит, что они жених и невеста. Обломов возражает: к чему так торопиться, ведь еще не сделаны необходимые приготовления. Ольга зовет его назавтра к себе, Обломов пытается отговориться, но потом все-таки соглашается, с ужасом предчувствуя, что там будут знакомые, франты, тетушка и проч.

Хозяйка дома, вдова Пшеницына, Агафья Матвеевна, ухаживает за Обломовым, ему нравится ее расторопность, в разговорах с ней он чувствует себя свободно. Обломов пишет Ольге, что простудился в Летнем саду и не сможет прийти, но непременно будет в воскресенье. Ольга присылает ответ, в котором печется о здоровье Обломова и предлагает не приходить в воскресенье. В воскресенье Обломов был у хозяйки — ел горячий пирог, пил кофе и «посылал Захара на ту сторону за мороженым и за конфетами для детей». Прошла еще неделя, книги, которые прислала Ольга, Обломов не прочел; одну, которую начал было, положил переплетом вверх, как она и лежит уже несколько дней. «С хозяйкой он беседовал беспрестанно, лишь только завидит ее локти в полуотворенную дверь». Приходит следующее воскресенье. Обломов хочет ехать к Ольге, но потом пред-

ставляет, «как его объявят женихом, как на другой, на третий день приедут дамы и мужчины, как он вдруг станет предметом любопытства, как дадут официальный обед, будут пить его здоровье. Потом... потом по праву и обязанности жениха он привезет невесте подарок». Но у Обломова нет денег, а письма из деревни он не получает. Ольга ждет Обломова, обед полностью подготовлен, она мечтает о семейном счастье, хочет ехать с Обломовым в деревню. Но Обломова все нет и нет. До десяти часов Ольга ждала, «волновалась надеждой, страхом». В десять ушла к себе. В понедельник утром Ольга является к Обломову и спрашивает, что значит его поведение. Тот пытается отговориться болезнью, но Ольга быстро распознает ложь. Обломов говорит, что боялся толков и сплетен. На возражение Ольги, что они жених и невеста и обо всем собирались объявить тетке, Обломов отвечает, что еще не получил из деревни письма. Ольга интересуется, что он делал все эти две недели, видит, что он не прочел ее книг, догадывается, что он опять спал после обеда, лежал все время. Обломов сознается. Ольга: «Я верю твоей любви и своей силе над тобой. Зачем ты пугаешь меня своей нерешительностью, доводишь до сомнений?.. А тебе еще далеко идти, ты должен стать выше меня... Я видела счастливых людей и как они любят. У них все кипит, их покой не похож на твой... Они действуют». Ольга уводит его с собой, и несколько дней Обломов живет как и прежде — ходит к Ильинским, разговаривает с Ольгой, тетушкой, снова начинает помышлять о семейном счастье. Через несколько дней он получает из деревни письмо — доверенное лицо уведомляет, что имение в очень плохом состоянии, что денег нет ни гроша, а чтобы получить деньги от продажи хлеба, Обломову нужно самому присутствовать в деревне. Таким образом, свадьба может быть устроена не раньше, чем через год. У Обломова мелькает мысль занять денег, но он опасается, что если не отдаст в срок, его засудят и «имя Обломова, до сих пор чистое и неприкосновенное», будет вывалено в грязь. Обломов обращается к брату хозяйки Ивану Матвеевичу за советом. Тот рекомендует в управляющие имением своего приятеля по фамилии Затертый, Обломов соглашается. Тарантьев с Иваном Матвеевичем обсуждают последние новости, радуются тому, что удастся прибрать к рукам Обломова, Иван Матвейч обещает Тарантьеву, если все удастся, магарыч и добавляет, что Обломов «пялится» на его сестру. Тарантьев радуется, говорит, что об этом нельзя было и мечтать.

Обломов рассказывает о последних новостях Ольге, говорит, что им придется подождать год. Ольга удивляется, как это он назначил незнакомого человека управлять имением, на душе у нее горечь. В конце разговора с Обломовым ей становится дурно. Очнувшись, она говорит: «Камень бы ожил от того, что я сделала. Теперь не сделаю ничего, ни шагу, даже не пойду в Летний сад. Все бесполезно — ты умер... Я узнала недавно только, что любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе, что указал мне Штольц, что мы выдумали с ним... Кто проклял тебя, Илья? Ты добр, умен, нежен, благороден... и гибнешь... Что сгубило тебя? Нет имени этому злу». Обломов: «Есть. Обломовщина». Они расстаются. Обломов приходит домой, у него сделалась горячка.

Часть 4

Прошел год с болезни Ильи Ильича. Год принес много изменений в окружающем мире, но в доме вдовы Пшеницыной все «менялось с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты». Поверенный Затертый поехал в деревню и прислал вырученные за продажу хлеба деньги, оброк собрать не смог, о чем прислал письмо Обломову. Но Обломов остался доволен и присланной Суммой и был рад, что в деревню не надо ехать самому. Дом в деревне перестраивают, и весной Обломов может переехать в имение. Анисья, на которой женился Захар, почувствовала взаимное расположение к хозяйке, и постепенно хозяйство Обломова и вдовы слилось воедино. Агафья Матвевна испытывает все большее расположение к Обломову, ждет его и волнуется, когда он подолгу засиживается в гостях или в театре, во время его болезни заставляла всех ходить на цыпочках, устлала комнату коврами. Она влюбляется

в Обломова, потому что «Илья Ильич ходил не так, как ее покойный муж, коллежский секретарь Пшеницын, мелкой деловой прытью, не пишет беспрестанно бумаг, не трясется от страха, что опоздает в должность, не глядит на всякого так, будто просит оседлать его и поехать, а глядит на всех и на все так смело и свободно, как будто требует покорности себе». Он для нее барин, у которого в услужении Захар и еще «триста таких Захаров». Обломов сам уделяет внимание вдове и даже предлагает ехать вместе с ним в деревню. Иванов день Обломов празднует вместе со своими домочадцами, ест, пьет. Внезапно приезжает Штольц. Он приехал на неделю — «по делам, потом в деревню, потом в Киев, потом бог знает куда». Штольц сообщает Обломову, что Ольга после разрыва с Обломовым уехала за границу, а к осени собирается к себе в деревню, говорит, что знает обо всем, что не отстанет от Обломова, хочет его расшевелить, так как Ольга его просила об этом — «чтобы Обломов не умирал совсем, не погребался заживо». Обломов хвастается Штольцу, как устроил свои дела, что отправил в деревню поверенного, рассказывает, сколько теперь получает. Штольц только руками всплеснул и воскликнул: «Ты ограблен кругом! Ты и в самом деле умер, погиб». Штольц говорит, что сам устроит дела Обломова, а Ольге советует, что Обломов тоскует по ней и помнит ее.

На другой день Тарантьев и Иван Матвеевич встречаются в питейном заведении и сетуют на то, что Штольц уничтожил доверенность на ведение дел Затертым, а сам взял обломовское имение в аренду, что, не дай бог, узнает, что оброк на самом деле собран, а деньги Тарантьев, Иван Матвеевич и Затертый разделили между собой. Решают шантажировать Обломова его отношениями с Агафьей Матвеевной: потребовать у него долговую расписку на десять тысяч, иначе подадут на него в суд «за недостойное поведение». Надеются таким образом вытягивать из него деньги неоднократно. Еще раньше Штольц встретил случайно Ольгу и ее тетку в Париже, удивлен, что Ольга сильно изменилась — из девочки превратилась в зрелого человека. На протяжении полугода Штольц общается с ними, с удивлением обнаруживая все новые и новые удивительные черты в Ольге. Он по-прежнему дает Ольге книги, замечает, что она начинает «перерастать» его. Штольц влюбляется в Ольгу, мучится — любит она его или нет, но проявления чувства — внезапного румянца, трепещущего огнем взгляда — не замечает. Ольга думает о нем как о друге. Она также пытается разобраться в своих чувствах, «стала наблюдать за собой и с ужасом открыла, что ей стыдно не только своего прошлого романа, но и героя». Наконец Штольц приходит к Ольге и признается, что любит ее. Ольга в нерешительности, поначалу отказывает Штольцу, тот собирается уехать навсегда, она удерживает его. Штольц просит рассказать без утайки обо всем. После некоторого колебания Ольга признается, что была влюблена в Обломова, и подробно рассказывает обо всем, что произошло, пока Штольц был за границей. Штольц, узнав, что предмет страсти Ольги — Обломов, успокаивается и говорит, что это наверняка была не настоящая любовь. Ольга показывает Штольцу письмо Обломова, Штольц указывает в письме строки, которые прямо говорят об этом: «Ваше люблю есть не настоящая любовь, а будущая. Это только бессознательная потребность любить, которая за недостатком настоящей пищи выказывается у женщин иногда в ласках ребенку, другой женщине или просто в слезах или истерических припадках. Вы ошиблись. Перед вами не тот, кого вы ждали, о ком мечтали. Подождите — он придет, и тогда вы очнетесь, вам будет досадно и стыдно за свою ошибку». Ольге становится легче, она говорит, что все прошлое «как сон, как будто ничего не было».

Проходит примерно полтора года после приезда Штольца к Обломову. Обломов еще больше обрюзг, халат его еще больше затерся. Дельце, задуманное Тарантьевым и Иваном Матвеевичем, удалось на славу: при первом же намеке на «скандалезные обстоятельства» Обломов дал хозяйке заемное письмо, и теперь все доходы, получаемые им из Обломовки, которой управляет Штольц, попадают в карман Тарантьева и Ивана Матвеевича. Те стараются побыстрее выкачать деньги из Обломова, чтобы что-нибудь не успело помешать, и Обломов попадает в весьма стесненные обстоятельства. Агафья Матвеевна жалеет Обломова, начинает продавать «жемчуга, полученные в приданое, салопа», чтобы прокормить

его. Обломов узнает об этом и, получив из деревни денег, отдает ей, чтобы она все выкупила.

Приезжает Штольц, видит убогую жизнь Обломова. Сообщает, что он женат на Ольге. Затем, видя, что у Обломова нет денег, припирает его к стенке, и Обломов вынужден признаться о «заемном письме». Штольц тут же требует с Агафьи Матвеевны расписку том, что Обломов ей ничего не должен, та, не выдержав напора Штольца, подписывает.

Через день в питейном заведении встречаются Тарантьев и Иван Матвеевич и в ужасе обсуждают то, что предпринял Штольц. Ивана Матвеевича вызывали к генералу и спрашивали: «Правда ли то, что вы вместе с каким-то негодяем напоили помещика Обломова и заставили подписать заемное письмо?» До суда, однако, дело не доходит, так как Штольц не хочет марать имя Обломова. Но Иван Матвеевич лишается должности. Штольц пытается увезти Обломова с квартиры, но тот так жалобно упрашивает оставить его «только на месяц», что Штольц соглашается, предостерегая напоследок относительно хозяйки: «Простая баба, грязный быт, удушливая сфера тупоумия, грубость». Уезжает.

На следующий день к Обломову приходит Тарантьев, начинает на него кричать, обливать грязью Штольца. Обломов, отвыкший от такого обращения за время дружбы с Ильинскими, теряет самообладание, дает Тарантьеву пощечину и выгоняет его из дома.

Штольц за последующие годы только несколько раз был в Петербурге, они поселились с Ольгой в Одессе в своем доме, где жили очень счастливо. Ольга даже удивлялась такому счастью, не понимая, за что оно выпало на ее долю. Штольц также «глубоко счастлив своей наполненной, волнуемой жизнью, в которой цвела неувядаемая весна, и ревниво, деятельно, зорко возделывал, берег и лелеял ее». Они вспоминают об Обломове, Штольц говорит, что весной они едут в Петербург, Ольга просит взять ее к Обломову.

Обломов по-прежнему живет у Агафьи Матвеевны, он «кушал аппетитно и много, как в Обломовке, ходил и работал мало, тоже как в Обломовке. Он, несмотря на нарастающие лета, беспечно пил вино, смородиновую водку и все беспечней и подолгу спал после обеда». Однажды с ним случается удар, но на этот раз все оканчивается благополучно.

Однажды к Обломову приезжает Штольц. Он делает последнюю попытку увезти Обломова, но тот отказывается, говоря: «Ты знаешь меня и не спрашивай больше». Штольц говорит, что в карете его ждет Ольга, что Обломов может с ней повидаться. Обломов решительно отказывается, выпроваживает Штольца, просит оставить его навсегда, признается, что хозяйка — его жена, а самый ее младший ребенок — его сын, названный Андреем в честь Штольца. Штольц возвращается к Ольге, та хочет войти в дом, но Штольц ее не пускает, а на вопрос, что там такое, отвечает одним словом: «Обломовщина».

Прошло еще пять лет. В доме вдовы Пшеницыной много изменений. В нем хозяйничают другие люди. Нет Захара, нет Анисьи. Обломов вот уже как три года умер. Брат ее при помощи всевозможных ухищрений поступил на прежнее место, и все вошло в обычную колею, как и до Обломова. Маленького Андрюшу взяли на воспитание Штольц с Ольгой. Доход с имения Обломова Агафья Матвеевна отказалась получать, сказав Штольцу, чтобы он эти деньги оставил Андрюше.

Однажды, вместе со своим другом-литератором (Гончаровым) прогуливаясь по улице, Штольц видит в толпе нищих Захара. Захар рассказывает, что несколько раз пытался поступить на службу, но нигде не прижился и закончил нищенством. Литератор спрашивает, кто это такой, и Штольц рассказывает историю Захара и Ильи Ильича Обломова.